

Новые решения ввода ОПИСАНИЯ

Rahmenmitteilung один запоминает, чтобы с его слов рассказать другим

Когда, наговорившись, наконец, расстались, Фёдор Пятухин, шёл к себе на склады, покачивая головой и всё повторяя про себя Мишин рассказ, чтоб после дома пересказывать: «Завтра на корабле уходят в Германию. Страсть как снова море увидеть хочет. России для Сибири, для экспедиции Беринга горные инженеры нужны. Трех посылают. Поначалу в Марбург, к учёному Вольфу. Будут учиться химии и горному делу. А до этого никогда ещё от гимназии никого не посылали. Михайла в первых! Фельтен ему только на путевые расходы триста рублей выдал. Да ещё на проживание сколько... Потом в Саксонию должны отправить. А назад когда – не знает...» 4-2-47

Префект отложил перо. Поднял голову: «Почему из канцелярии указывают только о провинности сообщать? А о том, что он в той же академической библиотеке все книги, что перечитал, не только тряпичной обёрткой, а и описал, и им же, старцам, те листы с описью оставил, почему сообщать не надобно? А о том, как с дровами помогал? Говорил, что не хочет, чтоб руки топора забывали. Что, у нас много таких? А про глупости так пиши...» 4-1-642

Что касается вещи, не познание вещи, а самую вещь в первую очередь и главным образом воспроизводит, а так как любая вещь может быть познана и воспроизведена разумом тройственным образом, отсюда также некоторым образом тройственен и...44 – Ну, ты... О чём это он? – ректор перечитал ещё раз: „...отсюда также некоторым образом тройственен...“ – Читает и читает... Пишет и пишет 4-1-639

44 Написано М. Ломоносовым на полях курса латинской философии «AntagoniumcursusphilosophiciseuintroductiobrevisinLogicamvulgoDialecticam», перевод с латинского Г.Н. Моисеевой. Работа в библиотеке Киево-Братского монастыря, где помещалась Киево-Могилянская академия, и в Государственной публичной библиотеке АН УССР, Г.Н. Моисеева выявила приписки и пометы Ломоносова в семи рукописях и трёх печатных книгах (сохранившихся после пожара 1777 г., когда большая часть библиотеки Киево-Могилянской академии сгорела). На полях л. 189 рукописи Киево-Печерского патерика напротив житий св. Фёдора и Василия рукой Ломоносова сделана приписка: Latiniwasi –Латинские сосуды. На листе-вкладке между лл. 45 и 46 сохранились сделанные Ломоносовым подсчёты. Много помет Ломоносова в рукописном сборнике лавры (1718), включающем «Летописец келейный» Димитрия (Ростовского) и «Каталог митрополитов киевских с летописанием вкратце», в рукописном курсе латинской философии (1702). Пометы Ломоносова есть также на книгах, напечатанных на греческом и латинском языках. См.: Гамалея В.Н. М.В. Ломоносов в Киеве: правда или вымысел? //Наука и наукознание. – 2011. № 4. С. 142–143; Моисеева Г.Н. Ломоносов и древнерусская литература. С. 75–76.

Парабола

И то уж точно, что были магичка та и бесёнок тогда, как и Михайла сейчас, пусть и самую малость, но под мухой. Иначе такого не сотворить, а то бы он ту затею давно б постиг. Миша запрокинул голову. Прямо над ним, на потолке, вверх лапками сидела та самая муха: «Ну, уж эту-то точно никто не рисовал». Не опуская глаз, он нащупал на лавке рушник и, привстав, хлопнул им по потолку. «Ещё хлопну по самой маленькой, – из всех одинаковых, толпившихся на столе кружек Михайла выбрал ту, что показалась ему поприместее и поуже. – И закушу. Да и проверю!» Обойдя стол, он попытался ухватить одну из тех луковиц, что не давали ему покоя. Пальцы шаркнули... 4-1-604

Парабола триггер

– Свой пчёлы мед несут, – забывшись, что хозяйева спят, повторил он вслух. И тут же ожила, ульем зажужжала хата. 4-1-607

Параллельное описание

4-1-599 -600

впервые за весь разговор улыбнулся.

– Погоняй! – телега, наконец, тронулась мимо красно-чёрного икорного ряда, окаймлённого бочонками с коричневато-жёлтой щучьей. Оставила слева звонкий

598

скобяной и пристроилась к небольшому обозу, что шёл за Москву-реку с пустыми бочками из-под нежинских огурчиков к югу, в Малороссию.

– Вот ты, как его отбирать будешь? Да ты, нехай, думаешь, что любой можно? Ан нет! – длинные казацкие усы Мирона разлетелись в стороны.

Справа проплывали свечи кремлёвских башен, Киприановская библиотека с людной террасой у Спасской башни...

– Ты его сперва на размер испытай. У меня вот своя мерка. Вишнёвая. От жинкиного отца. Так пять штук в ряд попками к хвостику уложишь, и коль не превзошли палочки, то их и бери...

Михаил вполуха слушал пропахшего солёными огурцами малоросса, кивая в такт подпрыгивающим по московским улицам колёсам: «Год минул, прежде чем дозволение получил. Едва попом в Сибирь с Кириловым не уехал... Тут владыка Феофан согласие на Киев и дал... – он передёрнул плечами, вспомнив молчаливо-вопросительный взгляд ректора Стефана и пустые разбирательства в синодальной конторе. – Простите, родители. Без вашего ведома чуть в священники вас не записал...» Михаил огляделся по сторонам: «Так ничего ведь толком за три с лишним года в Москве и не посмотрел. Помню, первые дни метался. И сюда хотелось сходить, и это попробовать, за каждый угол заглянуть... Хорошо хоть в школу Навигацкую в первые дни сходил. Познакомился. И после у Магницкого бывал. То правда: магнит он. Да вот вчера сбегал. Попрощались. Он растрогался. Лист пожелтевший подарил. Вложил его в «Ведомости». Словно орденом одарил. То, дескать, «самого писателя Димитрия нерастраченная бумага». А дальше – ещё забавнее. Говорит: „Запишешь на ней то, что никто до тебя не познал. Ни в России, ни в Европах. Я, – добавил, верю, что ты способен“. И тут же вытолкнул меня».

599

– После ощупай его. Твёрд ли? Иль только прикидывается крепеньким? К носу его поднеси. От него аромат такой, знаешь, исходить должен. Такой вот...

«Я тот лист его же „Арифметике“ и доверил. Вложил в середину книги. Она всегда со мной, – Миша ощупал котомку, оглянулся, посмотрел на удаляющиеся главки Казанского собора. – Каждую неделю обещал себе зайти, голову склонить перед иконами Косьяна Назарки...»

– После на солнышке его посмотри. Такой вот цвет у него должен быть... Такой...

«Мотя всю дорогу говорил: „Ты Москвы можешь не увидеть, а вот ликами, красками глубокими...“

– Вот наподобие этой изумрудно-зелёной луковки Покровского, что на Рву, только ещё сочнее, выразительнее...

«...тех икон насладись, и явится тебе благодать. Тут и узришь её. Прочувствуешь».

– А уж как отобрал, тут и главное: успевай до новой луны.

«Цвет – то великая тайна. Вот пазори наши, порой, как вот эта луковка Покровского Пресвятой Богородицы собора...»

– Я тебе наш секрет открою. Посолишь до последней четверти луны, и огурчик пуст в середине будет.

«А бывают, вот как мимо которой проезжаем, с небесной синевой. А отчего?»

– Его надкусишь, а он тебе рассолом на вышиванку...

«Рассолом на вышиванку! Рассолом... Невозможно же это. Только отъехали, нижние торговые ещё, а он меня уже просолил этими своими огурцами. Хоть возвращайся»

Оживление мифологии

остановился на тёмной полосе паркета, отступил ещё на шаг: «Как заяц под прицелом Дианы¹²². Не вертись же!» – указал сам себе и принялся, упуская вступление, читать: ...дабы не испытывало известное императорскому величеству Лицо нужды ни в чём. – Вслух! – словно выстрелил с кресла своего Бирон. Владыка Феофан кашлянул и повторил страшное: ...кузин вашего величества выделяется усердием... Тут он краем глаза заметил, как императрица чуть сжала цевьё левой, а ложе правой рукой. ...к доселе неизвестной Ему латыни... Анна Иоанновна влоборота чуть склонилась вперёд. Расставила ноги. Владыка начал медленно отклоняться назад: ...в два месяца нижайший класс освоил... «Диана», поднимая ружьё, начала медленно поворачиваться. ...подумал, что для царской особы... «Особа», выцеливая, прижалась щекой к прикладу. ...нужны подобающие чину её мебели... Анна Иоанновна, прищурившись, нажала на курок. Грохот выстрела, дым от пороха заполнил залу. Бирон на диване улыбнулся. Владыка инстинктивно прикрыл лицо письмом. В дверях показался испуганный Ушаков. Вороний гвалт эхом от выстрела ворвался во дворец. 4-1-555

Перенос действительность в парадигму латыни

И как только тощенькая борода вздынулась на его голос, рукой указал на догоняющих. Старичок заглядывался. После книгу сунул за пазуху. Да всё одно видать: топорщится. Миша в подоконник вцепился: – Поймать – capere – capiō – capis – capit – capimus – capitis – capiunt. Capi-or – я пойман; capi-tur – он пойман 4-1-546

Студент, старичка с книгой видал? В какую сторону вильнул? «То, верно, и есть Киприанов, – глядя в его открытое лицо, решил Ломоносов. – Совесть – conscientia, стыд – pudor...» Из подвального поднялась и выжидательно смотрела на Мишу, поддёргивая плечиком, укрывшая старика девка. 4-1-546

Парабола как склонность к обучению 4-1-541

Тот всё не верит Данелевичу и Постникову, что столь быстро можно латыни обучить. И ректор обещал подойти, и иные учителя, кто без уроков и послушаний. Потому Данелевич и Постников в суете, и та на меня уж третий день как перекинулась. Но от того в учителях её не уменьшилось, а даже напротив... В каждом из нас вдвое больше стала. Кстати... Тут, поди, закономерность вывести можно! Об умножении волнения. О распространении его. А если в толпе? Вот скорость великая и число подхвативших огромны будут! Надо на Красную площадь выйти в базарный день и проверить. И чтоб тесней народ стоял, и чтоб много людей собралось.

4-1-521

описание комнаты как желание заснуть

Девятнадцать было? – Миша принялся по памяти „обходить” комнату. – Икона Спасителя „Недреманное Око”95. Лампадка. Скамьи широкие две. Стол с подпиленной ножкой. Табурет новый. Шесть. Моя „Арифметика” и три книги Виноградова. Его же короб с прогнутой крышкой из-под лавки косит. Того одиннадцать. Колода с круглым ковриком для сидения. Подсвечник с двумя огарками. При входе подставка с лоханью, над ней рукомойник на цепочке. Пятнадцать. Два тюфяка и парно к ним два одеяла. Верно, больших предметов девятнадцать. Под мои года. Ну и мелкое разное. Четыре гвоздика для одежи при входе. Чернильница да перья. А на окошке глазу самое привлекательное: кто-то с осени в верхний правый уголок наклеил красноватый листок. Виноградов сказал, что кленовый. Не знаю. У нас таких нет. Зимой лист промёрз. Края инеем покрылись. А сегодня под вечер, когда облака на миг солнышко до земли допустили, листик будто от сна пробудился. Прожилки нити свои до самой тоненькой миру выказал. Заиграл, подсвеченный, как пазоры наши северные. Приветом с милого моего острова. Весь теплу раскрылся. Сам, что малое солнышко, келью тёплой бордово-клюквенной надеждой озарил, что настанет пробуждение. Придёт весна, а с ней многое оттаёт. Вот хоть та вчерашняя загадка, что ректор задал

Разновидность модусного представления

На первом, ниже вольфовской цитаты провёл посередине черту, разделив мир пополам. Над левой колонкой отрывисто вывел: «К.К.К.». Над правой, с любовью: «Жизнь моя – Познание». К.К.К. Жизнь моя – Познание Единицу поставил. И слева, нехотя, вывел:

К.К.К.	Жизнь моя – Познание
1. Дрался из-за неё с Розенталем	1. Всё сделаю, чтоб и наши так жили...

Вспомнил, как мать того назавтра на гору, в университет с разодранной рубахой побитого прибегала. И в ратушу с ней. И в кирху... Кровь всем показывала... Михаил усмехнулся: «А неча девушку в темноте за руки хватать... И за что меня на три дня в камору при той же ратуше? А и ладно... Всё одно не отсидел. Вольф выкупил за три талера. А и отбыл бы...» В правой колонке вывел супротивное: 1. Всё сделаю, чтоб и наши так жили..

4-2-57

Параллельно

И всё от того, что герр Петер Геррита по Архангельску помнит». Малышка, повернувшись к Михаилу, утвердительно потрясла игрушкой. 4-2-137

Шаркунок грохотом горошин подтвердил правоту рассказа 4-2-137

Девочка отпрыгнула на середину комнаты, встала меж матерью и Михаилом и, подняв ручонку вверх, затрясла игрушкой. А после – огрызок ко рту, потом под стол. И опять то же повторила. И шаркунок об этом же без устали 4-2-138

Девочка вбежала с целой грушей и, встав перед матерью, откусывая огромными кусками, стала быстро есть. 4-2-138

..ещё один русский помусорит... – тут глаза матери расширились. – Так это ты, вредный ребёнок! – с полотенцем она кинулась к дочке. Да только Михаил раньше успел: девочку за клетчатое платье и к себе за спину. 4-2-138

НАМЁК

И ещё о том, что я вот сбежал, а ему – сам знаю, куда и кому – писать обо мне нужно. А как то исполнить, коль он меня не видит и ничего обо мне не знает? Что это „не по-товарищески”. И ещё Виноградов писал, бумагу надрывая, о том, что „ссорой с Генкелем ты, Ломоносов, можешь всю учёбу прекратить”. И тогда ему, Димке, нигде в России места доходного не найти. Он не тот, за которого вступятся. У него „не те” родственники. И что надо и о товарищах думать, когда вот так.. 4-2-98

Или то письмо напрямую Михаилу отправим. А второе от Макарова. Помнишь... – он отвёл взгляд от долины, что меж двух холмов и глянул за окно. Да только зря он туда посмотрел. На площади оттачивали мастерство колющего удара гвардейцы Измайловского полка. Унтер-офицерское: «Коли!» прозвучало приговором любому, ещё хоть в чём сомневающемуся. Бирон резко, силы не соизмеряя, захлопнул створку. Рама хлопнула расстрельным выстрелом. Стекло не выдержало и рассыпалось, порезав ему руку. – Лекаря! – вскричала в испуге жена 4-2-87

Бирон шёл к дивану, придерживая перед собой раненную руку, наступая башмаками на капли крови. Часовой, стоящий при дверях, про себя проговаривал вечерний свой казарменный рассказ: «За ним следы так 4-2-87

Поведение веера

– И вот ещё о чём надо подумать... – Бенигна Готлиб фон Тротта-Трейден, с детства горбатенькая, некрасивая и в свои лучшие годы, провела веером по горлу, украшенному большим драгоценным камнем на тонкой золотой нити. – Ты всех ли знаешь, кто его как его знает? О московских да столичных? А ведь вырос он не здесь. И мать у него где-то. А вдруг она грамотна и что запишет? Иль на исповеди? А догадливая родня? А может, и его неродной отец начнёт правды выискивать? Аль уже что знает? Бирон развернулся к жене. Глаза его сузились. Он подался вперёд. – Ты бы подумал и нашёл ещё каких одинаковых, – Бенигна голос с озабоченного, на ласковый поменяла. – Да и разные сгодятся. Лишь бы к утру вернулись, в обед всё правильно доложили ... – ...а к ужину пропали б куда, – продолжил за неё герцог, восторженно глядя на супругу. «А ведь были ещё и бумаги!» – он вспомнил о духовном завещании Екатерины 81. – Там вот о любушке моей ничего. Сама и распорядилась при 81 Согласно завещанию Екатерины I, императором объявлялся Пётр Алексеевич; в п. 8 указывался порядок дальнейшего престолонаследия, если великий князь умирает без наследников: престол переходит к цесаревнам и их потомкам (преимущество у лиц мужского пола). Текст завещания Екатерины I был подготовлен в Петербурге в конце 1726 г. голштинскими министрами Г.-Ф. Бассевичем (1680– 1748) и бароном Штамбке на немецком языке. Документ начали переводить, но не успели, императрица скончалась. Русский текст тестаменты – выдержка из немецкого варианта – был подписан цесаревной Елизаветой Петровной после смерти матери именем «Екатерина». 92 ней сжечь. Гаврила Головкин сполнил, да потом всё бор – мотал, что копий не меряно было сделано. А в тестаменте том – сказывала голубушка моя – про цесаревну Елизавету есть, и подписывалась она. Там что-то ещё о предпочтении наследников мужского пола. На это и будем указывать. Вот копии бы найти... Точно уж Гаврила сам и сохранил. Да, поди, в могилу с собой не унёс. Упрятал, где подале. Куда не всякому дотянуться. В Гааге, у

сыночка. У Александра Гавриловича. Послать за бумагами! Срочно! И сродственников Михайлы сыскать! Это даже первое. Ай да Бенигнушка!» – Эрнстушка! – законная супруга, перемены мужа к ней видя, игриво так продолжила, **пристроив веер к затылку мужа**. – А ежели ты регент при императоре российском, – она расправила спицы, – то и власть у тебя императорская. **Веер цветастым хохолком, павлиньим хвостом, а для неё – короной – вздымался над лысиной мужа: – А я при тебе императрица**